

Валентин ВАСИЧКИН

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Васичкин Валентин Митрофанович родился в деревне Васильевка Глазуновского района Орловской области 5 августа 1948 года. Автор более 20 книг стихов, прозы, публицистики, вышедших в Москве, Туле, Орле. Окончил Глазуновский сельскохозяйственный техникум, Литературный институт им. А.М.Горького СП СССР. Почти четверть века работал редактором глазуновской районной газеты. Произведения публиковались в областной печати, в журналах «Молодая гвардия», «Новый Орёл», «Форум», «Бийский Вестник», «Русское поле», в альманахах «Орёл литературный», «Орловская сударыня», в коллективных поэтических сборниках, вышедших в Москве, Туле, Орле. Стихи звучали по Всесоюзному радио. Участник 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей (1975 г). Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза писателей России, член Союза журналистов. Живёт на своей малой родине.

БЕЛЫЕ ГУСИ ПО СИНЕЙ ВОДЕ (отрывок из повести)

Федюнин дед Григорий Хромов, по-деревенски Гришаня Хромовый, – потомственный пчеловод. Свои первые шаги по земле он делал, наверно, не в доме, а на пасеке своего отца Василия Хромова. И дожил до радостных дней, когда увидел, что его сын и внук тоже не чужие в пчелином царстве-государстве. Так и вели они своё пчеловодное дело: Хромов-старший занимался ими на своей усадьбе, сын его Василий, получивший это имя в память о деде-пчеловоде, на своей. А внук Фёдор, которого с детских лет домашние ласково называли Федечкой или Федюней, был хорошим помощником для обоих, потому что своей семьёй ещё не обзавёлся; но при этом в помощниках мог быть только в отпуске: он пошёл по жизни своей дорогой, которая увела его, как говорила мать, на край света.

Федюню в семье особо не баловали, но и не держали в строгости; а как иначе: был младшим ребёнком, два старших брата его сразу после окончания школы попросту убежали из дома на шахты в Донецкую область. Можно было говорить, что родителям Федюни немного не повезло: и третий сын не захотел жить рядом с ними,

а сразу после восьмилетки покинул родной дом, чтобы учиться и работать в геологоразведке, и ещё учиться и работать, но уже с дипломом горного инженера на подземных работах. Неожиданно судьба распорядилась так, что Федюня снова оказался в родительском доме.

Дом Хромова-младшего – третий от околицы, по нижнему ряду улицы, не особо большой, тёплый, и когда-то считался одним из самых-самых. Но время работало не в его пользу и сделало своё дело, как делает оно на нашей грешной земле со всеми домами, да и с людьми тоже, живущими в них: нет, за свои полвека он не обветшал, а просто утратил свою былую свежесть, в чём и уступал построенным позднее. Хромовы считались большими хлебосолами, в доме нередко бывали гости, которые, как и хозяева, в нём чувствовали себя уютно. А за Федюню и говорить нечего: после долгой разлуки душа его, словно хрупкая мартовская ледышка на солнцепёке, таяла. По приезду он ходил из комнаты в комнату и видел перед собой всё то, что сохранилось в этих стенах и напомнило ему о прожитых здесь годах. «Это и есть тепло родительского дома, – думал он, – стол, стулья, какие-то вещи, которые

он помнил, запахи – видишь их, чувствуешь, и на душе тепло».

Родители в своих отеческих наставлениях исходили из того, что сын, в первую очередь, должен проявлять благоразумие во всех делах и не вступать в конфликты с обществом. Федюня и не вступал – ни во время учёбы, ни после неё, в геологоразведке, и позднее – на подземных работах. И вот он дома, и не по своей воле: в стране всё рушилось, рудники и шахты закрывались, а на тех, что работали, «кроты», – так называли горных рабочих, по полгода не получали зарплату. Это они, доведённые до отчаяния, объявляли забастовки, отказываясь выходить на поверхность, другие выходили и стучали касками о рельсы на всю страну. Их не хотели слушать, а приходилось; их слушали, но не слышали.

Чтобы как-то выжить, Федюня Хромов сколотил небольшую бригаду из друзей-«кротов», и они стали работать в частном порядке, по договорам, выполняя подземные работы, которые мог выполнить совсем не каждый. Работали честно, но заказчики были как на одно лицо, за редким исключением: с расчётом за выполненную работу не спешили, просили подождать и тянули, тянули. А страну продолжал накрывать девятый вал разрухи, и Федюню Хромова, оказавшегося на гребне безработицы, в один из холодных октябрьских дней выбросило на берег заросшей бурьянами Неручи, где стояла его родная деревня.

– Приехал – и хорошо, – сказал ему тогда отец, и сразу как пояснил: – Хорошо, что живой вернулся. А то по телевизору только и показывают: на шахте авария! На шахте авария, да со смертельным исходом!

На материнском лице радость, в глазах слёзы счастья, хотя вся родня знала, что Настя Хромова Василя от природы не плаксивая.

– Федюнь, кругом одни смерти, и у нас тоже: полколхоза – все там, расширяют и расширяют...

Где это «там» и что расширяют – им было понятно: она говорила о кладбище.

– Теперь что делать будешь? – спросил отец.

Федюня ожидал подобные вопросы-расспросы и, в общем-то, был готов на них отвечать, а перед отцом лукавить не стал и откровенно признался:

– Не знаю пока. Буду искать по профессии или что-то близкое к ней, допустим, рыть колодцы или делать проколы, к примеру, под железную дорогу – для «кротов» работа всегда найдётся.

– У нас, тут? – спросил отец.

– Зачем тут, страна большая...

Мать за него заступилась:

– Чего ты ему допрос учинил, сам всё расскажет по порядку.

И рассказал, пока освобождал от своих вещей рюкзак и дорожную сумку, пока сидел с родителями за столом, с удовольствием поедая домашнее, приготовленное матерью на скорую руку: жареную со свиной картошку, солёные огурцы и помидоры, ещё не утратившие запах и вкус малосола, какой-то салат, похоже, из моркови, зелёного перца и ещё с добавком чего-то пахучего.

– Приехал – живи, но болтаться без дела не позволю, – сурово сказал ему отец, когда прояснил для себя намерения сына. – У нас по дому работы скопилось много, надеюсь, не забыл, что и как делать.

Мать с ним о своём, и как-то робко:

– Не женился там?

– Не женился, мать, не женился.

– А я думаю, пора бы тебе.

– Не на ком.

– У нас тут есть пока на ком... Федь, ребят много поумирало, а девки есть, – говорила – как спрашивала: мол, может, подумаешь?..

– Подумаю, мать, подумаю? – успокаивал он её, хотя и сам не знал, как будет думать и что придумает.

Новый день не задержался, и Федюня, как бы следуя вчерашнему наказу отца, уже с утра помогал ему разгрести накопившиеся в домашнем хозяйстве дела. Это ничего, что он имеет высшее образование, и профессия у него не для сельской местности – горный инженер: со школьных лет Федюня делал дома всё, что надо было делать мужику в хозяйстве, и, поскитавшись по стране, навыки не утратил. Они рубили дрова, поправили забор, ворота и стропилину в сенном сарае; ещё он опилил деревья в застарелом саду, несколько вишнёвых вообще убрал: спилил и порубил на дрова, вдобавок к ранее нарубленным, – будет чем варить курам картошку, а печка

на улице работает по теплу, – словом, не было места, где бы Федюня не приложил к чему-то свои руки. И как всегда во время его отпусков, они прошлись по всем недоделкам, день ото дня вычёркивая что-то из этого списка.

Были дни, когда они уходили к деду, чтобы помочь подготовиться к зиме и ему: то вставят случайно разбитое стекло в оконце сарая, то, как и у себя дома, займутся необходимыми делами на пасеке. Дед Гришаня был велико доволен, но более всего, наверно, что день у него прошёл не в одиночестве, а в разговоре с родными людьми, от которых узнал много чего интересного из деревенской жизни. Полвека дед Гришаня в бобылях. Жена Фиона, Фенечка, его с фронта дождалась, а самой не повезло. В войну посреди деревни уцелел один-единственный домишко, и в нём разместился магазин, возле которого ребяшня все дни напролёт в ту самую войну играла; и надо же, через десять лет напомнила она о себе. Возле порога увидели они обрывок провода, рядом что-то блестящее проглядывало из-под земли. И ничего лучше не придумали: провод потянули, ну и рвануло по-настоящему. А Фенечка на этот момент стояла на пороге, и сынок Гаврилка рядом с нею, младшенький, всё просил: купи да купи ему лампачку, конфетку, значит. Всех разметало в разные стороны, на квадратной железной цистерне, что стояла с керосином метрах в десяти от входа в магазин, остались круглые вмятины от осколков: кто бы мог подумать, где прячется смерть.

А Гришаня другую спутницу жизни так и не нашёл, точнее, даже не пробовал искать. Всё верно: сердцу не прикажешь – однолюб.

Зимой у деда работы никакой, если только расчистить от снега занесённые дорожки да из колодца принести воды, но с этими работами он пока что справлялся сам. Весна приносила людям заботы, которые было не отставить, и дед Гришаня для неё не исключение, потому что имел небольшой огород, а ещё пасеку, при виде которой в душе его цвели сирени и пели соловьи.

С наступлением тёплых дней Федюня с отцом на пасеке: выскребал, затем обжигал паяльной лампой запасные ульи для пересадки перезимовавших семей, в какие-то дни отправлялся

к деду, – это во исполнение отцовского наказа, хотя и без него уже знал, в какой именно день он более всего ему необходим.

Весна на всех парах и по огородам. Деду Гришане его пахал тудягой-«Беларуськом» местный фермер: не спрашивая, будет он сажать картошку, не будет, заедет, порычит на нём с полчасика и уедет, так же не спрашивая с него деньги за работу. Но хозяин вспаханного клочка земли в должниках не любил оставаться: в медонос наливал трёхлитровую банку мёду, находил своего добродетеля и со словами благодарности ему вручал. Такой порядок взаиморасчётов у них утвердился давно, фермер называл это бартерной сделкой, и каждая из сторон его не нарушала.

И с посадкой картошки в этот год получилось как нельзя лучше. Был колхоз – две картофеле-сажалки мотались с огорода на огород по всем деревням, всегда нарасхват, и никакой платы. Теперь набирает силу частный капитал: одна разбитая сажалка на всех, и туда, где надо сделать всего два-три коротких прохода, её не дозовёшься. А тут заехал к Федюне друг школьных лет Валера Рыбаков, поговорить, ну и предложил:

– Давай посадим под соху. Лошадь возьмём у Лёки, найдём пару человек бросать картошку в борозду, я привезу, – и, видя его нерешительность, заверил. – Организую, не страдай.

– Пчёлы не дадут: здесь самый лёт у них, – начал объяснять Федюня.

Но Валера и слушать его не стал:

– А мы давай пораньше. Я же тебе сказал: всё организую.

В деревне с Валерой считались: из местных, родители его живут здесь, а сам он работает в райцентре, как говорили, самым главным пожарником. И вполне подошло ему деревенское прозвище Огнетушитель — чуть что: Огнетушитель да Огнетушитель. В прежние годы, когда Федюня приезжал к родителям в отпуск, они встречались редко – не получалось как-то; но вот Федюня как бы осел в родительском доме, и Валера Огнетушитель к нему зачастил: своих родителей проведает и к нему заглянет. Что и говорить, настоящий друг, а тут и организатор из него получился хороший. Бывший колхозный конюх Лёка, наверно, с год не получал зарплату, и умирающий колхоз неожиданно свой

долг перед ним погасил жеребёнком, которого он вырастил, по прошествии лет приучил ходить в сохе и теперь никому из деревенских не отказывал, естественно, за магарыч. Не отказал и Огнетушителю: с утра пораньше, пока не загудели пчёлы, соха уже была на огороде. Не опоздал и сам организатор: красная «Нива» подскочила к огороду со стороны луга, из неё вслед за Валерой выпорхнули две девчущки – в лёгких цветастых платочках, синие рабочие халаты, на ногах резиновые сапожки.

– Это рабсила вам, – подходя к Федюне, весело заговорил Валера Огнетушитель, – буду знакомить: соседки Галина и Евгения, а по-простому: Галя и Женечка – мои хорошие подружки.

Федюня словно растерялся, молча уставился на них: девушки ещё только подходили к огороду, Федюня в той, что шла впереди, а это была Женечка, уже улавливал знакомые черты, словно уже видел он когда-то эту чернявую, с крупными красивыми глазами... Да, он смотрел в такие же глаза... глаза – в глаза...

– Что уставился и молчишь? – Валера Огнетушитель рассмеялся. – С первого взгляда сразили тебя?

Федюня очнулся от воспоминаний, они как пришли, так и ушли, потому что в памяти его на самом дне.

– Были твои, теперь мои будут, – отшутился Федюня, и, судить по их улыбчивым лицам, шутка всем понравилась.

А потом его захватила работа. Они нарезали борозды: Федюня водил лошадь, Лёка – за сохой; а когда Валера Огнетушитель с подружками-соседками и дед Гришаня заканчивали бросать в них клубни, борозды присыпали. Хозяин в работе был нетороплив и время от времени напоминал, что семена в борозде должны лежать на лапоть друг от друга, мол, это старинная мера. Девчата над ним подшучивали:

– Лапти-то у всех разные: на наш лапоток или на твой?

Дед Гришаня ходил по огороду в кирзовых сапогах сорок пятого размера. Не отвечая на их вопрос, он вдруг начал вспоминать:

– Бывало, все деревенские огороды – лошадьми, и колхозные гектары – под соху, но их, конечно, в первую очередь.

– Это когда было? – ведя мимо лошадь под уздцы, спросил его Федюня.

– До войны, после войны, – ответил дед Гришаня.

– И мне досталось, тоже попахался, – тяжело дыша, откликнулся из-за сохи на их разговор Лёка.

– Выходит, что когда-то мы ушли от сохи и добрались до космоса, а теперь возвращаемся к сохе, – сказал Федюня.

– Выходит, – согласился дед Гришаня, – только вот не в каждом дворе сегодня увидишь соху: все в металлолом определили и на переплавку отправили.

С огородом они справились быстро, – что там два десятка не особо длинных борозд для лошади и для людей, отдохнувших за ночь; да к тому же Лёку за сохой подменил вовремя подошедший отец, который к тому же принёс для них завтрак, приготовленный материнскими стараниями. Дед Гришаня был доволен: всё получилось, посадили в срок, и пригласил всех в дом отобедать; доволен был Лёка: не только позавтракал, но и уносил в боковом кармане бутылёк настоящей на шиповнике; довольны были соседки-подружки Валеры Огнетушителя – они весело защебетали после первой выпитой рюмки, правда, выпили они её, наверно, с трёх раз, а сами всё поглядывали, поглядывали то на своего соседа, то в сторону Федюни. Чтобы как-то поддержать хорошее настроение и не показаться не приветливым, Федюня им подмигнул, хитро, как бы многообещающе улыбнулся; а когда Валера Огнетушитель скомандовал, что пора ехать, и они дружно пошли к выходу, – легко так приобнял, втиснувшись между ними. Подружки, как птички, выпорхнули в машину, и они умчались: Валера Огнетушитель спешил на работу.

Такая она весна для людей – пашешь, сеешь-сажаешь и однажды оглянешься вокруг: многоцветье угасает в полном безветрии, белые лепестки устилают землю, и такие же белые куры разгуливают по тёплой зелени. Вчера к родителям заехала повидаться городская родня, племянник Альберт, – город есть город, и два выходных дня в квартире не просидишь. После застолья вышел покурить, стоит возле порога, дым пускает, а сам

смотрит, смотрит на курицу; и вдруг с восторгом, и в тоже время с удивлением, Федюне говорит:

– Фёдор, Фёдор, ты посмотри, что она делает!

Федюня не поймёт: чему удивляться? Ну, ходит курица и подбирает всякие крошки съедобные или песчинки. А родня не унимается:

– Ты посмотри, что она клюёт!

Федюня присмотрелся: курица подбирала лепестки с отцветающих вишен – они осыпались с белой ветки, протянувшейся над изгородью к порогу.

– Да, то травки она зелёной, то лепестки вот подберёт, – поддакнул ему Федюня, но при этом тоже удивился. – Сколько жил – и не замечал, чтобы куры их клевали. Конечно, потом она яйцо снесёт без всякой химии; а желток-то, да, желток-то какой у неё после будет!

Родня отходит от порога, потом за угол дома, на пасеку. Над садом ровный пчелиный гуд: пчёлы легко уходят в синий простор между яблонями, а что на пасеку – спешат от луга, где ковром желтеет одуванчик. Они звенящими ручейками к ульям, тяжело опускаются на прилётные доски, чтобы скорее проползти в летки, – всё верно: у них своя жизнь.

Федюня голову поднял: небо синее-синее, и облака плывут – небольшие, и вытянулись они в строчку, словно белые гуси по синей воде. «И у них своя жизнь», – подумал Федюня, но при этом и вслух сказал, а вот почему так получилось у него, сам объяснить не мог.

Родня его услышала, но что к чему – не поняла.

– У кого – у них? – а взгляд на Федюню, потом – куда и он, в небо.

– Видишь, – чуть ли не шёпотом, как бы доверяя родне секрет, сказал Федюня, – облака по синему небу – словно белые гуси по синей воде. И у них своя жизнь, как у людей....

Родня уехала. На другой день налетел шквалистый ветер и в пух растрепал облака, разметал их по синему полю небесному; а к ночи нагнал тучи, нагромоздил их от горизонта до горизонта, и небо разразилось не в меру холодным дождём. Утром сад было не узнать: цвет облетел, белые лепестки на земле уже были не белые, а землистого цвета, и ни одной курицы – все под крышей, мокнуть не захотели.

– Всё, неделю погоды не будет: черёмуховые холода подступили, да и месяц народился плохой, – объявила утром мать свой прогноз, и он оказался верным.

Но и в такую погоду жизнь в деревне не угасала, люди делали и делали свои земные дела, которые за них никто бы не сделал. В эти непогожие дни доцвели сады, всё меньше и меньше загоралось по утрам в луговинах жёлтых огней одуванчиков, да и с наступлением новых тёплых дней природа по своей скупости медоносами не одаривала, так что весеннего мёда теперь можно было не ожидать. Но если нет взятка – пчёла начинает сердиться, от безработицы они шумят, занимаются воровством мёда друг у друга. После зимы пчёл в ульях прибавляется каждый день – это вступает в жизнь молодая смена; и когда она не в полёте, в их доме теснота, и тогда у них срабатывает инстинкт на создание новой семьи, – словом, всё как у людей.

За черёмуховыми холодами снова прихлынуло тепло – оно наплывало волнами уже с утра, когда солнце только-только из-за крыши сарая; теплее стало в ночи. Вот и получил Федюня отцовский наказ: роевая пора, сидеть на пасеке, и жалко будет, если они разлетятся. А дед Гришаня его наставлял:

– Ты, Фёдор, можешь особо не волноваться, все проглядишь: первые рои снимаются до обеда. Упускать их, конечно, жалко: рой – это полфляги мёду улетит, потому что с ним уходит вся рабочая пчела.

И вот он, рой, уходит!

А всего-то Федюня отлучился с пасеки на считанные минуты, и не отлучиться было нельзя: приехал Валера Огнетушитель. Сказал же русским языком ему: «Давай отставим разговор на после обеда: в одной семье то ли молодая пчела облётывается, то ли рой должен пойти». Но Валера, и без того красный, – он какой-то светло-рыжий, с кучерявинкой, и лицо с красным оттенком, – вдруг засопел, засопел и ещё сильнее покраснел, сделался, как его красная «Нива», так что Федюня возражать не стал, но при этом не смог сдержать улыбку:

– Ну, хорошо, три минуты разговору: дед прилёт отдохнуть, мне от пасеки не уходить.

Валера Огнетушитель улыбку его не понял:

– Чего улыбаешься?

– Да так, ничего военного, – успокоил его Федюня.

Действительно, за его улыбкой ничего такого не было, просто неожиданно вспомнилось ему Валеркино прозвище – Огнетушитель; а в ту минуту он и впрямь похож был на него: такой же красный, не особо большой и пузатенький огнетушитель висел в его машине позади водительского сиденья.

Валера и Федюня дружили с детства, вместе озорничали, вместе играли в футбол, но после школы жизнь развела их в разные стороны: Валера поступил в пожарное училище, а Федюня в геологоразведочный техникум, и с тех пор встречались они редко. Но тут судьба свела их снова: Федюню сделали безработным, и он прибил к родному дому, а Валера незадолго до его приезда был назначен в район инспектором Госпожнадзора, так что теперь друзья находили время пообщаться, хотя иногда у кого-то из них его было в обрез. Валера Огнетушитель понял: Федюне действительно некогда.

– Три минуты, три минуты, – с иронией в голосе повторял он слова, только что сказанные другом. – Что-то горит у тебя, что ли? Это у меня всегда горит, а у тебя нечему гореть. Тебя привязали, как быка на колу.

– Улетает, Валера, улетает, Говори скорее, что хотел?

А тот как не спешит:

– Что улетает, не понял?

– Что? Что? – занедовольничал Федюня. – Рой улетает, а ещё время. Правда некогда, говори, что надо?

– Ладно, – уступчиво сказал Валера Огнетушитель, – тогда коротко так: еду по хозяйствам проверять пожарную безопасность. Давай денёк со мной побудешь – хоть посмотришь, как я работаю. Ведь звал же тебя вместе учиться. Ходил бы сейчас, как я, в форме с погонами...

– В таком случае мне тоже надо бы пригласить тебя под землю, чтобы знал и ты, что там да как, но паровоз уже ушёл, – с сожалением сказал Федюня; и вдруг вспомнил: – Какая проверка? Завтра у тебя выходной.

Какой будет завтра день недели, Валера Огнетушитель знал хорошо.

– У нас ни выходных, ни проходных, – с сожалением сказал он; и тут же вопрос: – Едешь?

– Понял, – не затянул с ответом Федюня. – Наверно, поеду, но надо с дедом обговорить. Видишь, среди дня с пасеки ни на минуту не отойти: улетят, если отроятся. Вечером скажу.

И весь разговор. Валера Огнетушитель хлопнул дверцей, Федюня за угол дома: рой уходил! И Федюня ничего не мог с этим поделать: он только из-за угла дома, на пасеку, – рой прямо над ульем тугой пружиной, по спирали, с нарастающим звоном уже ввинчивался в небо; и не только Федюня, даже сам дед Гришаня был бы бессилён что-либо сделать, чтобы его удержать. Мысли обрывками: «И куда лететь... сел бы рядом, на любой ветке бы повис... Нашли время свадьбы устраивать, когда надо мёд носить». Федюня представил, как дед появится на пасеке, взглядом – по леткам и без внуковой подсказки определит, что рой ушёл; и даже скажет, из какого улья, при этом как-то так усмехнётся, – не осуждающе, скорее сочувствующе, – и внуку, и себе. А Федюне ничего не надо будет объяснять ему, только останется, да и то ненадолго, чувство неловкости: как же, упустил. Собственно, почему не надо? Он скажет, что на этот раз рой с пасеки ушёл без остановки. Ему бы, как всегда, из летка – и покружить над пасекой, подождать, пока вся роевая пчела поднимется и зацепится за какой-либо яблоневый сук. Дальше было бы всё просто: стой и смотри, как притягивает их туда, словно магнитом; как рой на глазах увеличивается и потом уже клубом, похожим на большую виноградную гроздь, повисает, даже ветка прогнётся. Рой будет готов сняться и улететь в заранее разведанное место, но тут Федюня по дедовой науке его и остепенит бы холодной водой, веником – из ведра. Лётная пчела подумает, что пошёл дождь, а, как известно, они в ненастье сидят дома, не в полёте, и по такой погоде сутки могут клубом провисеть, если, конечно, у них не закончатся запасы корма, – словом, рой не улетел бы: Федюня с ветки эту гроздь в минуты в дедову роевню мог определить.

Но рой уходил! Ещё не зная, что ему теперь делать, по привычке заметался между ульями, то за роевней в пчельник, то зачем-то в руках

у него оказался дымарь; мысли – в поисках, одна за другой: что делать? что делать? И в следующие секунды дымарь в сторону, а сам с пасеки, – за ворота и дальше, куда, по его расчётам, должен был держать направление рой, – к просвету между высокими тополями.

Федюнин расчёт оказался верным: поднявшись над садом, рой прогудел за дорогу и, опускаясь, уходил в прогалок между тополями, за которыми зеленели хозяйские огороды и светился полевой простор. Федюня – за ним, путаясь в картофельной ботве и жадно ловя воздух широко открытым ртом; за ним, за ним!.. И всё-таки он отставал, и при таком раскладе рой ушёл бы в полевой простор, – прощай, дед-доброхот и его внук Федюня! – но, видно, приглядел он для себя заранее местечко: вот впереди и чуть правее огородов – дом, и рой туда, по гуду слышно, уходил. Федюня-внук за ним, за ним! Всё так же путаясь в картофельной ботве, он прыгал с грядки на грядку, но направление его полёта выдерживал. И вот он – дом, Рядом с огородом в невысокой ограде молодой садок – несколько яблонь, кусты смородины, и над ними разносится пчелиный гуд! Это был гуд его роя, и Федюня не смог бы его перепутать ни с каким другим: он был торжествующе-победный, и в тоже время наполненный заботами подступающих медоносных дней.

«Догнал! – обрадовался взволнованный Федюня. – Догнал!» И через изгородь. Ближе к дому, за кустами смородины, увидел два улья, выкрашенные синей краской, и на переднюю стенку одного из них, на прилётную доску, на землю перед ним могуче оседал его рой, готовый начать свою новую жизнь. Он был большой – многокилограммовый, но дед Гришаня, да и отец тоже, вес их определяли в фунтах, мол, у пчеловодов испокон веков такая мера веса. «Фунтов пятнадцать будет, – прикинул Федюня, – а может, и больше»: какая-то часть роя уже ушла в улей через приоткрытый леток.

Тявкнула за домом собачонка, на крыльцо вышел хозяин, бывший его учитель, увидел Федюню и скорей к нему.

– В чём дело? – спросил он, хотя мог и не спрашивать: всё понял с первого взгляда.

– Да вот рой дедов прилетел сюда, – начал объяснять Федюня.

– Это мой, – возразил учитель.

– Да нет, это дедов, – уверенно сказал Федюня. – Я за ним от самого дома следом бежал.

– Он тут с весны стоит, это мой, – продолжал утверждать учитель.

И вдруг Федюня сообразил:

– А давайте глянем, что тут ваш рой наработал с весны, – и с этими словами он приподнял крышку улья. Сомнений не было: с весны тут не ночевала ни одна пчела, и ни одной капли мёда в нём, а стояло всего лишь несколько старых гнездовых рамок.

Учитель стушевался, очевидно, говорить неправду своему бывшему ученику было для него делом неприличным. А Федюня снова на пасеку – за роевней да за лицевой маской, и всё удивлялся: как это пчёлы их не искусали? Хотя чему удивляться: отправляясь в полёт с роем, пчела набирает в зобик мёду, словно это дорожный паёк у неё, ну и, как бы становясь миролюбивее, реже пускает в дело своё жало. Но всё-таки пускают! А ещё Федюня вспомнил, как после окончания школы он проводил время на пасеке, – отец вывез её в дальнюю бригаду, поближе к гречишному полю, – и там он нередко был за дежурного; как по вечерам приходила к нему Анечка, девчужка с длинной черной косой и крупными красивыми глазами, – он познакомился с ней в её деревне, однажды приехав туда, в один из вечеров, с двоюродным братом Алексеем прямо с пасеки. Федюня много чего интересного рассказывал ей из жизни пчёл, и об этом тоже; но что роившиеся пчёлы намного миролюбивее и человека, работающего с ними, не жалят, Анечке тогда объяснил так: роение – это у них свадьба, и по случаю свадебного обряда пчёлы всегда заключают перемирие...

Уже через час роевня с отроившимися пчёлами висела в тенике на сухом яблоневоу суку, и дед Гришаня был в большом довольстве.

– Молодец, – сказал он внуку, – не упустил; и для нас теперь задача номер один: ссыпать его в улей. Этот рой наносит нам полфляги мёду.